

УДК 94 (476): 32.019.5 + 351.74

ПРОПАГАНДА ПРОТИВ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

А. А. Киселев

кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный
университет информатики
и радиоэлектроники

В статье анализируется образ полиции в пропаганде социалистических политических партий в период политического кризиса 1905–1907 гг. в белорусских губерниях. Пропаганда отрицала полицию как государственный институт, обосновывала террор против сотрудников полиции, обвиняла полицию в организации национальных конфликтов. Причиной такого отношения являлись политическая борьба против правительства, социалистические идеи о будущем государстве и антиколониальный дискурс.

Ключевые слова: полиция, пропаганда, белорусские губернии, террор, Российская империя

Введение

В условиях острого политического конфликта, в котором одна из сторон рассматривает своего противника не просто как оппонента или конкурента, но как безусловного врага, широко применяется агрессивная политическая пропаганда. Ее язык практически не отличается от стилистики военной пропаганды. В этом отношении показательны пропагандистские материалы, представленные в многочисленных листовках революционных партий и групп, действовавших в период политического кризиса 1905–1907 гг. в белорусских губерниях. В отечественной историографии в рамках изучения революционного движения была проделана скрупулезная работа по обобщению статистических данных о печатной агитации в белорусских губерниях [1; 2]. Помимо количественного аспекта историками анализировалось содержание листовок. Вместе с тем отношение к полиции не становилось предметом отдельного изучения, поскольку вопрос о полиции растворялся

в характеристике протеста против монархии, Государственной Думы.

Следует сразу отметить, что негативное отношение к полиции не являлось исключительно монополией идеологов и активистов социалистических партий. В корреспонденции в ведомственный журнал “Вестник полиции” становой пристав Гомельского уездного полицейского управления И.В. Гривачевский утверждал, что неприязнь к полиции коренится в “самой полицейской службе” и “нигде в мире не может быть, как мне кажется, такого счастливого места, где бы любили “власть имущих блюстителей” и были ими довольны” [3, с. 21]. В принципе тезис о том, что полиция в силу своих функций, как правило, не пользуется популярностью среди населения, заслуживает внимания. Однако на страницах этого же официального издания констатировалось, что отрицательный имидж полиции в общественном мнении приобрел чрезмерный характер по сравнению с западными соседями Российской империи. В частности, отмечалось, что “общество наше далеко не оказывает нашим блюстителям порядка даже того внимания и уважения, которыми они пользуются в западноевропейских государствах и которых они заслуживают по своей деятельности в отношении к нам” [4, с. 4].

Можно предположить, что свой вклад в распространение враждебных к полиции настроений внесла пропаганда социалистических партий. В этой связи представляет интерес анализ содержания социалистических листовок и отчасти периодических изданий с целью реконструкции образа полиции, формируемого радикальной оппозицией в белорусских губерниях.

Основная часть

В листовках неоднократно содержались призывы к террористическим актам против чинов общей полиции. Так, в датируемой февралем 1905 г. прокламации Полесского комитета РСДРП читателей призывали не только к вооруженному сопротивлению полиции, но и постоянному террору в ее адрес. В частности, в листовке писалось, что “мы не должны и не можем покорно подставлять свои шеи под удары доживающей полиции, мы должны

отвечать насиліем на насиліе. Озверелые в наступлении жандармы и казаки будут стрелять, бить; мы должны отвечать выстрелами из револьверов, вооружаться палками, колыями, чем только попал, но всегда отвечать массовым нападением на полицию, жандармов и прочих царских собак. Мы должны заставить их считаться с нами, мы должны терроризировать их на каждом шагу, целесообразно употребляя все возможные средства» [5, с. 58]. Террор против полиции апологизируется, подается как дело, пользующееся признанием в общественном мнении. В «Полесском листке», нелегальном издании Полесского комитета РСДРП, утверждалось, что «многие из честных и отзывчивых русских граждан радуются и прославляют героев, убивающих кого-нибудь из кровопийц царской шайки, министров и полиции» [5, с. 77]. С точки зрения анархистов террор против полиции также являлся обязательной частью политической борьбы. Так, листовка белостокской организации анархистов (Гродненская губерния) «Ко всем рабочим» от 23 июня 1905 г. начиналась со следующих слов: «Пусть бомба, брошенная смелой рукой товарища анархиста-коммуниста в охранителей буржуазных порядков – полицейских чинов, пусть пули и кинжалы, вонзенные в их тела смелыми борцами, – громким эхом отзовутся в ваших сердцах!» [6, с. 96]. В листовке «Тиранам, палачам и насильникам – смерть!» (январь 1907 г.), посвященной описанию теракта в Гродно, террор подается как справедливое возмездие. В частности, в ней утверждалось, что анархисты «мстили палачам за поругание человеческой личности, за оскорбленное человеческое достоинство». О смерти погибшего при задержании террористов городского говорится о том, что «собачья смерть этого сторожевого пса покажет всем остальным его собратьям, во что им обойдется их служба, чего им будет стоить охрана и защита насильников и грабителей, угнетающих и грабящих народ, охрана и защита современного строя, основанного на власти и насилии» [6, с. 226]. Не отставали от призывов к борьбе с полицией и другие партии. В конце 1905 г. по Виленской губернии распространялась листовка на литовском языке от имени ЦК Социал-демократиче-

ской партии Литвы, в которой крестьян призывались к уничтожению полиции. Так, сельских жителей призывали к тому, чтобы каждое общество велело своему десятнику «снять с себя бляху и не иметь никаких дел с урядником. Урядникам, приставам велите убираться из нашего края, а наиболее злостных постарайтесь уничтожить» [7, с. 170]. В листовке БСГ «Першы мужыцкі зъезд» крестьян призывали «разбиваць ды палиць канцелярыі і паліцейскіе упраўлення, разгоняць і біць поліцыю і жандарму» [8, с. 73].

Борьба с полицией увязывалась с уничтожением монархии. По словам прокламации «К рабочим города Минска» минской группы РСДРП от 9 июля 1905 г., «полицейский произвол мы можем уничтожить не иначе как вместе с произволом самодержавным» [5, с. 194]. В прокламации минской группы РСДРП «К гражданам города Минска!», изданной на следующий день после применения войсками оружия 18 октября 1905 г. против манифестантов на привокзальной площади, требовалось «распущение наличного состава полиции и передачи всего дела охраны порядка и общественной безопасности в руки города» [5, с. 285]. В прокламации витебского комитета партии Поалей-Цион призыв к гражданам не оставял последним выбора. В частности, в ней говорилось: «Кто не с нами, тот против нас. Ваше же место может быть только в рядах противников полицейского правительства» [8, с. 185].

В целях дискредитации полиции ее неоднократно обвиняли в организации массовых столкновений на национальной почве. Так, в воззвании витебской группы РСДРП, распространенном в конце февраля 1905 г., утверждалось, что «самодержавие организует шайки хулиганов и босяков из татар, снабжает их пулями и новейшими револьверами, а затем посылает на армян, таким образом создавая целые сражения на улицах Баку, руководимые полицией» [5, с. 60]. В листовке боевой дружины двинской группы социалистов-революционеров (Витебская губерния), сообщая о циркуляции слухов о том, что «полиция организует еврейский погром», говорилось, что партия «объявляет смертный приговор тем чиновникам из полицейской своры, которые проявят

себя в этом гнусном деле” [8, с. 173]. Не отставали в деле угроз и двинские сионисты-социалисты. В листовке “Ко всему монархическому русскому обществу” ее составители уверенно заявляли, что “полиция и местные власти по распоряжению свыше принимают деятельное участие в погромной агитации” [8, с. 199]. В случае погрома комитет сионистов-социалистов обещал, что “ни перед чем не остановится и мстить будет за поруганную честь человеческую, пролетарскую и еврейскую” [8, с. 199]. Таким образом, ссылки на слухи становились основанием для террора против полиции, которой без каких-либо фактических доказательств вменялось руководство погромами.

Еще одной популярной темой был полицейский произвол и насилие чинов полиции, пренебрежение гражданскими правами и унижительное обращение с людьми. Так, введение положения об усиленной охране в Велиже на практике, согласно представителям Бунда, означало превращение граждан в “рабов полиции”, которые “должны беспрекословно слушаться ее” [8, с. 127]. Полицейских неоднократно обвиняли в избиениях мирных обывателей, причем в пропагандистских целях авторы нелегальных изданий явно стремились поразить воображение читателей. Так, в бундовской газете “Последние известия” в корреспонденции от 23 января 1905 г., рассказывая о столкновениях полиции с рабочими в г. Могилеве, сообщалось, что в участке “на одном поваленном на пол товарище городской буквально танцевал, наигрывая при этом на гармонике” [9, с. 158]. В листовке Минского социал-демократического комитета Бунда (октябрь 1905 г.) рассказывается о действиях полиции против бундовцев, которые в помещении синагоги проводили митинг. По словам авторов прокламации, в синагогу ворвался пристав, который вместо обещанного полицией установления личности собравшихся сразу скомандовал: “Бей их, эту сволочь!” [9, с. 198]. После приказа “свора диких хищников набрасывается на безоружных людей и начинает избивать поголовно. Бьют нагайками, обнаженными шашками, топчут ногами, стреляют <...> Бьют куда попало и как попало. Женщин зверски хватают за

волосы, исполосовывают. Лица превращаются в сплошные кровавые пятна” [9, с. 198]. Этот случай интересен тем, что сохранился секретный рапорт начальника Минского ГЖУ в Департамент полиции от 12 октября 1905 г., позволяющий описать произошедшие события с точки зрения полиции. Во-первых, оказалось, что члены Бунда силой заняли синагогу во время иудейского религиозного праздника, а полицию вызвали сами иудейские “старцы”. Во-вторых, лично полицеймейстер потребовал от собравшихся покинуть помещение по одному, оставив чиновникам свои данные и предъявив вид на жительство. Однако в ответ на это требование бундовцы “заявили, что желают выйти все вместе и что полиция производит над ними насилие” [9, с. 197]. Только после отказа повиноваться требованиям полицеймейстера был отдан приказ о применении казаками нагаек для того, чтобы заставить манифестантов покинуть синагогу. От холодного оружия пострадали те, кто попытался покинуть помещение, выпрыгнув из окон, около которых с шашками наголо стояли городовые. Свой рапорт начальник жандармерии заключил тем, что прокламация “умышленно раздувает факты”, не упоминая о том, что “бундовцы сами употребили насилие, чтобы изгнать старцев”. Вместо сотен “легкораненых” и десятков “тяжелораненых” из прокламации в жандармском отчете сообщается о 20 зарегистрированных пострадавших от холодного оружия, из которых “пять легли в еврейскую больницу”. С учетом этих обстоятельств применение полицией физического насилия в синагоге трудно назвать лишь проявлением полицейского произвола. Однако в листовке столкновение с полицией было определено как “зверская расправа”, а сам текст заканчивался призывом: “Смерть царизму! Смерть палачам-убийцам!” [9, с. 199]. Представляется, что в большинстве столкновений применение полицией силы не являлось незаконными полицейскими репрессиями. Последний тезис не исключает случаев превышений служебных полномочий и пределов допустимого насилия со стороны чинов полиции. По крайней мере, в приказе № 124 от 3 мая 1907 г. начальник Минского Городского полицейского управления

отметил, что “городовые крайне дерзко и грубо обращаются с публикой, позволяя даже наносить оскорбления действием, в особенности пьяным” [10, л. 154]. Комментируя такое поведение, полицеймейстер требовал от чинов “вежливого обращения. Не нужно забывать, что полиция для населения, а не наоборот” [10, л. 154]. Однако ответ на вопрос о масштабах полицейских злоупотреблений нельзя получить на основании нелегальных изданий, которые стремились не к объективности, а к пропагандистскому эффекту.

В прокламациях, ориентированных на крестьян, подчеркивалось, что полиция защищает интересы помещного дворянства. Так, в прокламации Полесского комитета РСДРП “К крестьянам” писалось, что для помещика “урядники, пристава и стражники <...> ближайшие друзья его по насилию и разбою над жизнью” [5, с. 75]. Крестьянам напоминали о том, что со стороны полицейских они видели лишь “их вымогательства подлые и плетку, брань их позорную” [5, с. 75]. В другой прокламации “К крестьянам” от 23 июня 1905 г. говорилось, что исправники – начальники уездных полицейских управлений – “назначаются из дворян да помещиков, и, понятно, что они заботятся лишь о себе” [5, с. 168]. Полицейские, символизирующие государство, показываются как верные слуги враждебного крестьянским интересам правительства. В частности, в прокламации Полоцкой организации РСДРП “К крестьянам” (1905 г.) пишется, что “последние остатки крестьянского имущества царский холоп-урядник отбирает у бедняков за недоимку” [5, с. 106]. В прокламации Полесского комитета РСДРП “Канун революции” от 6 апреля 1905 г. говорилось о том, что “измывается над крестьянами всякий становой, урядник и стражник <...> и все эти грабители и насильники действуют по приказу царя, его именем царским” [5, с. 92]. В листовке “К крестьянам!” (июль 1905 г.) от имени социал-демократов утверждается, что “множество царских чиновников: урядник, земский, становой, исправник – всяк распоряжается вами, как распоряжается скотом, вы свободного шага сделать не можете, вы настоящие рабы!” [8, с. 227]. В листовке БСГ, отпечатанной ориентировочно в июне 1905 г., крестьяне

призывали не подчиняться полиции, потому что полицейские “трымаюць за багатых и брэшуць за грошы” [8, с. 76]. Наконец, постоянно подчеркивалась бедность крестьян, противопоставляемых враждебным им представителям власти: от стражника до императора, живущих на крестьянские деньги. Так, в листовке социал-демократической группы в Невеле (март 1905 г.) читателям внушалось, что именно на их “деньги живут все грабители-чиновники, от царя до полицейского стражника, а вы сами гибнете в тяжелой нужде” [8, с. 231]. Такие же мотивы встречаются в прокламации “Царская гаспадарка”, распространенной от имени “Социалистической партии Белой Руси”. В частности, в ней утверждалось, что “прычына нашае бяды и нядоли – гэта подданство царскому правіцельству, которое зложено с цара, министраў, губернатараў, справнікоў, станowych, уряднікоў, паліцыі да других ўсіх чыноўнікоў, што разам прыстаўлены дружна як піяўкі кроў мужыцкую цягнуць” [8, с. 87].

Во время пика политических протестов и акций вооруженного сопротивления властям в декабре 1905 г. в прокламации Северо-западного союза РСДРП “К крестьянам” ее составители призывали: “Вооружайтесь, отнимайте оружие у стражников, урядников, станowych приставов, лесничих и помещиков и с оружием в руках защищайте свои справедливые требования” [5, с. 454]. Здесь показательно, что пропагандисты поставили полицейских в один ряд с помещиками и лесничими, не допуская нелегальную порубку леса, т. е. с теми лицами, которые, по мнению революционеров, считались главными врагами сельского населения. Похожие призывы содержались в листовках БСГ. В прокламации “Першы мужыцкі зъезд” крестьянам советовали “даставаць стрэльбы, револьверы и винтоўкі, каб было чым абараніцца і заваеваць новы парадок” [8, с. 74]. Оружие советовали применить против полиции, жандармов, казаков и солдат.

Надо сказать, что создание полицейской стражи стало мишенью для авторов листовок и прокламаций. В прокламации от 10 мая 1906 г. Областного комитета Северо-западного союза РСДРП “Ко всем”

утверждалось, что якобы “в деревнях стражников учат стрелять из пулеметов, учат бороться с крестьянскими вилами” [5, с. 535]. Следует сразу оговориться, что пулеметы на вооружении полиции существовали только в воображении составителей воззвания. Интересно, что в отношении нижних чинов уездной стражи, набравшихся преимущественно из крестьян, предпринимались попытки агитации с целью побуждения их к увольнению или передаче оружия. Например, в листовке “К земским стражникам”, напечатанной объединенным советом Пуховичских и Блонских революционных организаций, стражникам внушали, что они применяют оружие против своих близких вопреки советам и заветам Христа, мешая крестьянам добиваться справедливости. Чинам стражи напоминали об их социальном происхождении и указывали, что совсем недавно они “ходили за сохой, сами трудились” и знают, “каково живет рабочему народу” [8, с. 138]. Агитаторы упрекали стражников в том, что за несколько рублей они продают свою душу. Сама полицейская служба именовалась “разбойничьей” и “позорной”. Составители листовки не только увещевали стражников, но и угрожали им. Так, листовка заканчивалась недвусмысленным предостережением, что “если же вы продолжаете убивать и оскорблять людей, как по приказу начальства, так и по своей прихоти, то знайте, что ни один ваш подобный поступок не останется безнаказанным” [8, с. 138].

Негативное отношение к полиции закреплялось даже в поэтических произведениях. Необходимость обращения к поэтическим произведениям как историческому источнику обусловлено тем, что большинство стихов публиковались в периодической печати. В раннем творчестве Я. Купалы, А. Пашкевич и Я. Коласа неоднократно встречаются однозначно негативные образы чинов полиции. Так, в стихотворении Я. Купалы “Над калыской”, написанном 26 июня 1906 г. и опубликованном в 1908 г. в сборнике “Жалейка”, мать в колыбельной поет о том, что, став стражником, ее сын станет “катам <...> над братьям, без жалю ані” [11, с. 83]. В другом своем стихотворении “Чары” (1907 г.), появившемся на страницах “Нашей нівы”, служба полицейским

стражником подается молодым поэтом как разрыв с крестьянским укладом, который, несмотря на бедность, дает возможность оставаться чистым “сэрцам і душой” [11, с. 146]. Но как только “шнуркамі адчапляўся, апнуў спіну чарнатой”, т. е. облачился в форменную черную шинель, то сразу “гад стаў сэрцам і душой”.

В изданном латинкой в нелегальной типографии ориентировочно в конце 1905 – начале 1906 г., а затем переизданном кириллицей в Жолкве в Австро-Венгрии, сборнике стихов А. Пашкевич под названием “Хрэст на свабоду” содержится недвусмысленная апологетика идеи террора против полиции. Например, в стихе “Ласы” (1905 г.) лирический герой мечтает убить бывшего пастуха, который пошел на службу в стражники. Он жалеет, что не имеет ружья, но готов ударить стражника “хоць паленам па мазгавішчы” [12, с. 63]. Стихи такого содержания предназначались для нелегального распространения в формате листовок.

Гораздо чаще образ полиции встречается в раннем творчестве Я. Коласа, что понятно в силу обстоятельств его биографии. Для него власть ассоциируется в первую очередь с полицейскими постами на перекрестках. В стихотворении “Вобразы самаўладдзя” (24 февраля 1907 г.) патрульные сравниваются с тараканами, а лирический герой не знает, куда спрятаться или уйти от «ад гэтых рыл і “каўняроў» [13, с. 50]. В стихотворении “Асадзі назад!” (22 мая 1908 г.) крестьянина угнетали, лишали заработка, помощи, но лишь однажды в жизни, когда герой стихотворения оказался вожаком сельского бунта, пристав потребовал от него не убраться прочь, а выйти “ўпярод!” [13, с. 89]. В сатирическом произведении “Канстытуцыя” (1908 г.), стремясь подчеркнуть фальшь думской монархии, автор утверждал, что полиция попирает гражданские и политические права. Так, поэт писал:

*Ганчакамі па Русі
Прыставы лятаюць,
Нас цкуюць: “Кусі, кусі!”
Як зайцоў, страляюць.*

*Развялося стражнікаў,
Як якой жывёлы,
Ад іх плешак і шнураў
Чырванеюць сёлы*

[13, с. 111–112].

Персонаж стихотворения “Не дамся!” (3 февраля 1909 г.), попавший в тюрьму за организацию массовых беспорядков, обещает, что не откажется от дальнейшей борьбы и говорит: «Вось вам, “плешкі-эпалеты”: не баюся я “шнураў”!» [13, с. 132]. Полицейские несколько раз становились героями ироничных стихотворений Я. Коласа. Так, в произведении “Верныя сябры” (1910 г.) одиночество с арестантом, лишенным общения с родными и друзьями, делил “гарадавы”, а помощник пристава приглядывал за ним “бы кот за трусам” [13, с. 270]. О взяточничестве чинов общей полиции упоминается в стихотворении “Дзе денешся?” (1910 г.), когда он допускает, что «ад “шнураў чырвоных” можна адкупіцца» [13, с. 290]. Поскольку молодые поэты были активными участниками социалистических партий, то негативная трактовка полиции не является случайным эпизодом в их творчестве.

Заключение

Таким образом, полиция стала объектом агрессивной пропаганды в листовках и печати социалистических партий. В общественное мнение старались внедрить идею о необходимости террора против полицейских чинов, утверждались представления о полиции как исключительно репрессивном учреждении. Важно то, что критике подвергались не отдельные чиновники или недостатки в деятельности полиции, но отрицалась сама полиция как государственный институт. Полицейские отождествлялись с правительством и монархией. В листовках неоднократно печатались призывы к убийствам чинов полиции и насильственным действиям. Им угрожали расправой за выполнение их служебных обязанностей. Полицию обвиняли в организации столкновений на национальной почве, паразитическом существовании за счет крестьян и рабочих, полицейском произволе в отношении обывателей. Образ полицейского подавался исключительно в черных тонах как

воплощение самых худших человеческих качеств. В листовках не приходится искать конкретной фактической информации о полиции. Агитаторы старались учитывать восприятие аудитории, что, как представляется, просматривается в их печатных обращениях к крестьянам. Последних убеждали в том, что полиция целиком и полностью находится на стороне помещиков. Вместе с тем можно предположить, что исключительно негативная оценка полиции была распространена в кругах местной радикальной интеллигенции. На это, например, указывает образ полиции в поэтическом творчестве Я. Купалы, Я. Коласа и А. Пашкевич, которые в молодости придерживались социалистических взглядов.

Однако, по нашему мнению, главная особенность пропаганды против полиции в нелегальных изданиях начала XX в. заключалась в принципиальном отрицании полиции как государственного института. В этом можно увидеть не только проявления подогреваемого политической борьбой социалистического утопизма, невидевшего органы правопорядка и армию в проектируемом обществе будущего, но и элементы антиколониальной риторики, отрицавшей существующую политическую систему по традиционалистским или национальным, а не чисто идеологическим или политическим мотивам. В частности, отсюда проистекают обвинения полиции в организации национальных конфликтов, апологетика террора, призывы к крестьянам об уничтожении полиции. Отнюдь не случайно, что такое отношение к полиции тиражировалось в листовках социал-демократов Бунда и социалистов-сионистов, БСГ и Литовской социал-демократической партии, т.е. партий, претендовавших на представительство национальных интересов народов в составе Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Буховец, О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в. / О. Г. Буховец. – Москва : Мосгорархив, 1996. – 398 с.
2. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён : у 3 т.

- Т. 2 : Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгауз, Х. Ю. Бейлькін, А. Р. Бухавец [і інш.] ; пад рэд. В. П. Панюціча. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 552 с.
3. **Гривачевский, И. В.** Отношение общества к полиции / И. В. Гривачевский // Вестник полиции. – 1908. – № 7. – С. 20–21.
 4. О задачах журнала // Вестник полиции. – 1907. – № 1. – С. 4–5.
 5. Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг. Документы и материалы. – Минск : Изд-во АН БССР, 1955. – 747 с.
 6. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. : в 2 т. / Т. 1 : 1883–1916 гг. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 704 с.
 7. Революция 1905–1907 гг. в Литве. Документы и материалы. – Вильнюс : Гос. изд-во полит. и науч. лит-ры, 1961. – 574 с.
 8. Сацыялістычны рух на Беларусі ў проклямацых 1905–1907 гг. / скл. М. Мясляшкі. – Менск : Выданне Інстытута беларускай культуры, 1927. – 256 с.
 9. Бунд в Беларуси. 1897–1921 : Документы и материалы / сост. Э. М. Савицкий. – Минск : БелНИИДАД, 1997. – 608 с.
 10. Приказы по Минской городской полиции за 1907 // НИАБ. – Фонд 300. Оп. 1. Д. 15.
 11. **Купала, Я.** Поўны збор твораў : у 9 т. – Т. 1 : Вершы, пераклады 1904–1907 / прадм. У. Гніламёдава. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 462 с.
 12. **Цётка.** Творы. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 306 с.
 13. **Колас, Я.** Збор твораў / Я. Колас. – Т. 1 : Вершы. Апавяданні вершам (1904–1917). – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1952. – 551 с.

Поступила в редакцию 22.02.2018 г.

Контакты: kiselev_aa@list.ru

(Киселев Александр Александрович)

Kiselev A. PROPAGANDA AGAINST POLICE IN BELARUSIAN PROVINCES DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION IN 1905–1907.

The author analyzes the image of the police in the propaganda of socialist political parties during the political crisis of 1905–1907 in Belarussian provinces. This propaganda denied the police as a state institution, justified terror against police officers, blamed the police for national conflicts. The reason for this attitude was the political struggle against the government, socialist ideas about the future state and anti-colonial discourse.

Keywords: police, propaganda, Belarussian provinces, terror, the Russian empire